

О ШКОЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНѢ.

(По поводу статьи г-жи Ивановой, Школьная дисциплина и средства къ ея достиженію.)

На страницахъ этого журнала былъ затронуть весьма жгучій вопросъ начальной школы — о школьной дисциплинѣ. Для нѣкоторыхъ этотъ вопросъ кажется легко разрѣшимымъ, для иныхъ — обрисовывается въ неясныхъ контурахъ. Многіе же изъ насъ, учителей, останавливаются въ недоумѣніи передъ этимъ сложнымъ вопросомъ, будучи не въ силахъ разрѣшить его безъ посторонней помощи. Находя, что статья г-жи Ивановой далеко не является исчерпывающимъ рѣшеніемъ затронутого ею вопроса, я позволю себѣ сказать два слова какъ по поводу названной статьи, такъ и по поводу самаго вопроса.

Начавъ съ опредѣленія дисциплины, г-жа Иванова переходитъ къ указанію тѣхъ мѣръ, какія употребляются въ школь для поддержанія общаго порядка во время занятій. По свидѣтельству автора, «въ практикѣ многихъ¹⁾ школь до сихъ поръ примѣняются карательныя мѣры и стязательнаго характера, какъ, напримеръ, ставятъ на колѣни и не на полъ, а на порогъ. И во многихъ глухихъ уголкахъ на эту мѣру наказанія смотрять, какъ на необходимую принадлежность школы. Сердитые окрики, стукъ руками и ногами заканчивають собою серію мѣръ устрашающаго характера» (стр. 51). Послѣ цѣлаго ряда подобныхъ смѣлыхъ утверждений,

¹⁾ Разбивка моя. П. Ч.

заключаючихъ въ себѣ къ тому же явныя противорѣчія, г-жа Иванова пытается установить причины нарушенія дисциплины въ школѣ. Причины эти слѣдующія: тяжелыя условія школьной жизни, полная непригодность учителя къ дѣлу и слишкомъ сильная испорченность дѣтей въ нездоровой домашней обстановкѣ.

Школьныя занятія дѣйствительно протекаютъ въ неблагопріятныхъ условіяхъ. Налицо у насъ и тѣснота помѣщенія, и переполненность классныхъ помѣщеній, и недостатокъ свѣжаго воздуха, и пр. и пр. Все это, безъ сомнѣнія, дурно отражается на дѣтяхъ: дѣлаетъ ихъ вялыми, понижаетъ ихъ работоспособность и часто влечетъ за собой нарушеніе классной дисциплины. Но позвольте, — въ этихъ же самыхъ условіяхъ находится и самъ учитель, и все это, стало-быть, въ одинаковой, скажу даже — въ большей степени дѣйствуетъ и на него, отчего, можетъ-быть, онъ и теряетъ самообладаніе и позволяетъ себѣ къ виновникамъ нарушенія порядка примѣнять карательныя мѣры. Не здѣсь ли искать источникъ вспыльчивости учителя, а не въ отсутствіи у него способности справиться съ классомъ? Вотъ почему нѣтъ никакихъ основаній вспыльчивость считать «благопріятной атмосферой для всякаго рода нарушенія дисциплины» (стр. 53). Здѣсь одно поставлено на мѣсто другого, именно: причина на мѣсто слѣдствія. Не вспыльчивость учителя вызываетъ нарушеніе дисциплины, а, наоборотъ, нарушенія дисциплины вмѣстѣ съ другими факторами нервируютъ учителя, вызываютъ у него вспыльчивость. Кто же однако является виновникомъ отсутствія дисциплины въ общепринятомъ смыслѣ при внѣшнихъ благопріятныхъ условіяхъ? Можно отвѣтить безъ колебаній: учитель. Что учителемъ надо родиться, стало общимъ мѣстомъ. Учитель по призванію, учитель милостію Божіей, тѣмъ и отличается отъ рядовыхъ, среднихъ работниковъ народнаго образованія, что у него свое credo, своя педагогика и своя дидактика. Такой учитель тѣмъ больше будетъ учителемъ въ истинномъ смыслѣ, чѣмъ меньше онъ измѣняетъ собственной педагогикѣ и чѣмъ меньше онъ принуждаетъ себя присягнуть чужой, выработанной другими, педагогикѣ, чужой системѣ, чужимъ методамъ. Всякій же средній учитель въ интересахъ своего дѣла долженъ твердо усвоить все то, что составляетъ сущность этого дѣла. «Для того, чтобы сознательно отнестись къ вопросу о школьной дисциплинѣ, учитель долженъ уяснить себѣ главнымъ образомъ психологію акта вниманія» (стр. 55), пишетъ г-жа Иванова. Далѣе авторъ говоритъ, что у дѣтей преобладаетъ вниманіе пассивное и что школа въ лицѣ учителя должна развивать въ нихъ вниманіе активное. Вотъ именно, когда мы уяснимъ себѣ психологію акта вниманія, мы увидимъ, что

для успѣшнаго обученія, залога школьной дисциплины, одинаково важны обѣ формы вниманія. Если активное вниманіе вызывается чаще всего чувствами эгоистическими, ключъ къ пассивному вниманію въ рукахъ учителя, такъ какъ успѣшнымъ веденіемъ обученія можно овладѣть вниманіемъ даже шалуновъ. Не боясь противорѣчія, можно сказать, что пассивное вниманіе вызывается интересомъ предмета. Такимъ образомъ, многое зависитъ отъ метода преподаванія. Въ мою задачу не входитъ изложеніе здѣсь различныхъ методовъ обученія. Однако я считалъ бы нужнымъ сказать, что по-моему наиболѣе совершенной формой обученія слѣдуетъ признать форму діалектическую. Пусть дѣти любятъ учителя, слушаются его, подавляютъ въ себѣ склонность къ шалостямъ на урокахъ; но если этотъ учитель только и будетъ дѣлать, что объяснять и объяснять ученикамъ, т.-е. давать имъ всегда готовый матеріалъ, то въ концѣ концовъ, какъ бы увлекательно онъ ни рассказывалъ, какъ бы понятно ни объяснялъ, онъ, чѣмъ угодно можно ручаться, вызоветъ апатію тѣмъ большую, чѣмъ больше онъ будетъ вѣренъ такому своему методу. А вѣдь не мало такихъ учителей, которые любятъ все объяснять и ничего не оставляютъ для размысленія ученикамъ. Они, эти учителя, въ простотѣ души думаютъ, что свои безконечныя объясненія и толкованія прочно вкладываютъ въ головы учениковъ. Я не знаю болѣе нудныхъ учителей, чѣмъ эти «краснорѣчивые» учителя, нагоняющіе на учениковъ своимъ убійственнымъ краснорѣчіемъ непобѣдимую скуку. Нерѣдко случается, что такіе учителя въ пылу краснорѣчія переходятъ съ предмета на предметъ и говорятъ о томъ, чему еще не пришелъ чередъ, упуская при этомъ изъ виду, что способность вниманія имѣетъ границы какъ въ отношеніи объема, такъ равно и въ отношеніи времени. Во избѣжаніе же утомленія учениковъ нужно, во-первыхъ, хорошо помнить мудрое педагогическое правило — по одной трудности заразъ, а, во-вторыхъ, какъ можно чаще привлекать учениковъ къ работѣ, давать имъ всякаго рода задачи, рѣшеніе которыхъ дастъ ученикамъ сознаніе ихъ силы, доставитъ имъ радость успѣха и вообще вызоветъ у нихъ пытливость. При такой системѣ обученія вопросъ о поддержаніи дисциплины совершенно отпадаетъ, ибо тутъ сама собой устанавливается настоящая внутренняя дисциплина, дисциплина, царящая среди разбредшихся по классу учениковъ покойнаго С. А. Рачинскаго, на извѣстной картинѣ Богданова-Вильскаго. — Есть и другіе способы воздѣйствія на учениковъ въ смыслѣ искорененія въ нихъ наклонностей къ шалостямъ и нарушенію правилъ общаго класснаго порядка. Изъ нихъ наиболѣе раціональнымъ можно считать убѣжденіе. Убѣжденіемъ можно подѣйствовать даже

на отпѣтыхъ учениковъ, если учитель постарается привить имъ духъ общественности, чувство гуманности и проч., а главное, если онъ сумѣетъ привлечь самихъ учениковъ къ поддержанію порядка. «Если ученики будутъ сами заинтересованы въ классномъ порядкѣ и въ общей школьной жизни, они иначе отнесутся и къ отдѣльнымъ фактамъ нарушенія дисциплины; провинившагося постигнетъ самое естественное наказаніе — неодобреніе товарищей. Индивидуальность каждого ученика имѣетъ громадное значеніе относительно общаго распорядка школьной жизни, и въ этомъ случаѣ ученики всегда лучше знаютъ, какъ воздѣйствовать на того или на другого изъ своихъ товарищей, знаютъ ихъ слабости и дурныя наклонности и могутъ быть самыми лучшими помощниками учителю¹).

Должны ли имѣть мѣсто какія бы то ни было наказанія въ школѣ? Разсудокъ говорить, что наказанія противорѣчатъ цѣлямъ воспитанія и имъ въ школѣ не мѣсто. Но, съ другой стороны, неумолимая дѣйствительность съ меньшей убѣдительностью говоритъ, что безъ наказаній обойтись нельзя въ школѣ, гдѣ какъ-никакъ приходится заботиться объ установленіи общаго порядка. Такія наказанія, какъ замѣчаніе или, въ случаѣ безуспѣшности сей мѣры, вызовъ провинившагося на середину класса и выговоръ передъ классомъ, едва ли можно назвать варварскими, хотя и слѣдуетъ признать мѣры эти слишкомъ суровыми, и прибѣгать къ нимъ можно лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ. Но тѣлесныхъ наказаній въ школѣ, разумѣется, быть не должно. Довольно съ насъ и того, что мы знаемъ о тѣхъ ужасахъ, какіе господствовали въ большинствѣ старыхъ школъ, на дверяхъ которыхъ можно было бы написать: *spara dorsum* — береги спину!...

П. Ч.